

СОЗОМЕН КАК РЕИНТЕРПРЕТАТОР СОКРАТА

Развитие церковной историографии на христианском Востоке после Евсевия Кесарийского ставит перед исследователями много вопросов, не последним из которых является вопрос, почему в середине V в. не только Сократ, но и еще два других православных писателя - Эрмий Созомен и Феодорит Киррский - взялись за перо, чтобы продолжить труд своего великого предшественника. Чем можно объяснить близкое по времени появление трех сочинений, посвященных одному и тому же периоду церковной истории - эпохе от обращения в христианство Константина Великого до правления ревнителя веры Феодосия Младшего? Среди этих авторов фигура Эрмия Созомена наиболее любопытна¹. Это связано прежде всего с тем, что его «Церковная история» представляет собой как

¹ **Sozomenus**. Kirchengeschichte/ Hrsg. von J. Bidez, G.Ch. Hansen. B., 1960. Об Эрмии Созомене и его «Церковной истории» см.: **Кривушин И.В.** История и народ в церковной историографии V века. Иваново, 1994. С. 49 - 74; **Altaner B.** Patrologie: Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter. Freiburg, 1955. S. 203; **Baldwin B.** Sozomenos// The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991. T. 3. P. 1932 - 1933; **Bardy G.** Sozomenos// Dictionnaire de Théologie Catholique. 1941. Vol. 14. Col. 2469 - 2471; **Chesnut G.F.** The First Christian Histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret and Evagrius. Macon, 1986. P. 200 - 207, 229ff.; **Downey G.** The perspective of the Early Church historians// Greek, Roman and Byzantine Studies. 1965. T. 6. P. 64 - 66; **Eltester W.** Sozomenos// PWRE. T. 3 A 1. Sp. 1240 - 1242; **Harries J.** Sozomen and Eusebius: The Lawyer as Church Historian in the Fifth Century// The Inheritance of Hagiography: 350 - 900. Exeter, 1986. P. 45 - 52; **Kaegi W.-E.** Byzantium and the Decline of Rome. Princeton, 1968. P. 176ff.; **Markua R.A.** Church History and the Early Church Historians// Studies in Church History. 1975. Vol. 11. F. 11 - 12; **Momigliano A.** Popular Religious Beliefs and the Late Roman Historians// Popular Belief and Practice: Papers Read at the Ninth summer meeting and the Tenth Winter meeting of the Ecclesiastical History Society. Cambridge, 1972. P. 15 - 18; **Nigg W.** Die Kirchengeschichtsschreibung. Grundzüge Ihrer historischen Entwicklung. München, 1934. S. 28 - 29; **Winkelmann F.** Die Kirchengeschichtswerke in oströmischen Reich// BSl. 1976. Vol. 37. Hf. 3. P. 175 - 177; **Zimmermann H.** Ecclesia als Object der Historiographie. Wien, 1960. S. 28 - 29, 33 - 34; 35 - 36. О датировке «Церковной истории» Созомена см.: **Roueché Ch.** Theodosius II, the Cities and the Date of the Church History of Sozomen// Journal of Theological Studies. 1986. Vol. 37. P. 130 - 132.

бы двойника более ранней «Церковной истории» Сократа Схоластика². Оба не только описывают критическую для церкви эпоху ее официального признания и превращения в важнейший институт римского общества³, но кладут в структуру своих сочинений «императорский принцип» (каждая книга, как правило, соответствует правлению отдельного императора), и наконец, что особенно важно, налицо несомненное родство используемой в их трудах исторической информации, часто доходящее до прямых текстуальных совпадений⁴. Параллелизм двух сочинений настолько очевиден, что многие ученые видят в Созомене плагиатора Сократа⁵.

² **Sokrates**. Kirchengeschichte/ Hrag. von G.Ch.Hansen. B., 1995. О Сократе Схоластике и о его «Церковной истории» см.: **Кривушин И.В.** Загадка Сократа Схоластика: Юлиан и его время// Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего Нового времени. СПб., 1996. С. 47 - 56; **Он же.** История и народ... С. 20 - 48; **Он же.** Сократ Схоластик и его церковная история// **Сократ Схоластик**. Церковная история. М., 1996. С. 311 - 323; **Он же.** Христиане и светское образование: Взгляд Сократа Схоластика// Европейская педагогика от античности до Нового времени: Исследования и материалы. М., 1993 (1994). Ч. 1. С. 64 - 73; **Chesnut G.F.** Kairos and Cosmic Sympathy in the Church Historian Socrates Scholasticus// Church History. 1975. Vol. 44. P. 161 - 166; **Idem.** Histories... P. 175 - 198, 231ff.; **Cracco Ruggini L.** The Ecclesiastical Histories and the Pagan Historiography: Providence and Miracles// Athenaeum. 1977. Vol. 55. P. 108ff.; **Downey G.** The Perspective... P. 59 - 63; **Mazza M.** Sulla teoria della storiografia cristiana: Osservazioni sui proemi degli storici ecclesiastici// La storiografia ecclesiastica nella tarda antichità: Atti del Convegno tenuto in Erice/ 3 - 8. XII.1978. Messina, 1980. P. 335 - 389; **Milburn R.L.P.** Early Christian Interpretations of History. L., 1954. P. 144 - 145, 146 - 147; **Urbainczyk T.** Socrates of Constantinople: Historian of Church and State. Michigan, 1997; **Winkelman F.** Die Kichengeschichtswerke...S. 173 - 175.

³ Труд Сократа охватывает период от первого года царствования Константина Великого (306) до семнадцатого консульства Феодосия Младшего (439); труд Созомена - от третьего консульства кесарей Криспа и Константина (324) до 415 г., хотя автор и обещает во введении довести повествование до пятнадцатого консульства Феодосия Младшего. Об этом периоде см.: **Arnheim M.T.W.** The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford, 1972; **Brown P.R.L.** The World of Late Antiquity. L., 1971; **Cameron Av.** The Later Roman Empire. L., 1993; **Jonea A.H.M.** The Later Roman Empire. Oxford, 1964. Vol. 1 - 2; **Stein E.** Histoire du Bas-Empire. P., 1939. Vol. 1.

⁴ **Baldwin B.** Sozomenos. P. 1932; **Chesnut G.F.** Histories... P. 175; **Croke B., Emmett A.** Historiography in Late Antiquity: An Overview// History and Historians in Late Antiquity. Sydney, 1983. P. 6; **Eltester W.** Socrates Scholasticus// PWRE. T. 3 A1. Sp. 900; **Idem.** Sozomenos... 1240ff.; **Momigliano A.** The Glassical Foundations of Modern Historiography. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1990. P. 143; **Winkelman F.** Die Kichengeschichtswerke... S. 175.

⁵ Традиция считать Созомена «литературным вором» восходит к Анри де Валуа (**Valesius A.** De Vita et scriptis Socratis atque Sozomeni// Migne. PG. 1864. T. 67. Col. 24 -

Однако внешнее сходство текстов еще не означает их внутреннего, содержательного тождества, и действительно, «Церковная история» Созомена не была простым переложением «Церковной истории» Сократа, лишенным какой бы то ни было оригинальности. Кажущаяся «зависимость» от Сократа скрывала определенное концептуальное намерение Созомена. И это намерение обнаруживается при анализе отношения автора к своим близким и далеким предшественникам в историографии. Можно с уверенностью сказать, что Созомен никоим образом не считал сочинение Сократа образцом церковно-исторического повествования. В своем тексте он ни разу не ссылается на него, ни когда вольно перелагает, ни когда воспроизводит его без изменений⁶. Наоборот, очевидно стремление Созомена подчеркнуть свою генетическую связь с Евсевием Кесарийским, и не случайно он начинает свой рассказ как раз там, где остановился первый церковный историк. Из введения (I.1) явствует, что Созомен воспринимал себя как прямого продолжателя Евсевия и всей христианской традиции православной церковной историографии, восходящей, по его мнению, к Клименту и Егезиппу⁷. Такое демонстративное игнорирование связи с Сократом в сочетании с постоянным обращением к тексту его «Церковной истории» указывает на то, что Созомен целенаправленно стремился противопоставить себя своему непосредственному предшественнику, апеллируя к той модели, которая доминирует в трех последних книгах сочинения Евсевия⁸. Очевидно, он полагал, что Сократу не удалось надлежащим образом воссоздать историю имперской церкви в период между Константином Великим и Феодосием Младшим.

1. Самопротивопоставление Созомена Сократу определяется в первую очередь несходством их исторических концепций и непосредственно проявляется в разных способах организации и интерпретации одного и того

25). Из представителей этой традиции назовем А.П.Лебедева (**Лебедев А.П.** Церковная историография в главных ее представителях с IV в. до XX в. СПб., 1903. С. 183 - 194); А.Гюльденпеннинга (**Güldenpenning A.** Quellen zur Geschichte des Kaiser Theodosius des Grosse. Halle, 1879. S. 416) и А.Харника (**Harnack A.** Sokrates und Sozomenos// Realencyclopädie für protestantische Theologie und Kirche. T. 14. S. 415 - 419).

⁶ Этот «возмутительный факт» побуждает А.П.Лебедева квалифицировать Созомена как совершенно бесцеремонного историка. См.: **Лебедев А.П.** Церковная историография ... С. 184.

⁷ О взглядах Созомена на истоки церковной историографии см.: **Zimmermann H.** Ecclesia als Object... S. 12 - 14.

⁸ Существуют, однако, и иные мнения по поводу того, с кем именно Созомен вел внутренний спор. В.Валдвин считает, что он противопоставлял себя Олимпиодору Фиванскому (**Baldwin B.** Sozomenos... P. 1935), а Дж.Харрис - Евсевию и Евнапию (**Harries J.** Sozomen and Eusebius... P. 47ff.).

же материала⁹. В «Церковной истории» Сократа на равных соперничают два противоположных взгляда на историю¹⁰: восходящая к Мелитону Сардийскому, апологету II в.¹¹, оптимистическая идея неуклонно прогрессивного развития христианства в Римской империи, которая отталкивается от признания зависимости судьбы того или иного императора, а также благополучия его государства и подданных от характера его отношения к христианской церкви¹², и пессимистическая идея церковной истории как непрерывной и непреодолимой череды смут, в которой слышится отзвук очень распространенного в античной философии и историографии восприятия исторического движения как хаоса¹³. Напротив, Созомен в своем желании стать истинным продолжателем труда Евсевия (вернее, трех его последних книг) ориентируется исключительно на оптимистическую теорию Мелитона. Поэтому, если у Сократа идея постоянно возникающих внутри христианской общины беспорядков снижает значимость императоров в церковной истории и размывает сюжетную связь между этой историей и каждым отдельным правлением, то у Созомена правители Рима превращаются в подлинных героев истории, и благодаря этому членение его труда по императорскому принципу приобретает не только формально хронологическое, но прежде всего идеологическое значение. Если Сократ далеко не всегда приводит в соответствие оценку императоров и оценку общего движения христианской истории, то Созомен делает эту связь безусловной: в его «Церковной истории» трактовка властителей Рима превосходно вписывается в концепцию прогресса истинной веры в империи. Если у Сократа участие Всевышнего остается

⁹ С точки зрения Р.Мильбурна, «Созомен явно стремится к **своему идеалу точности**, пытаясь проверить и ревизовать написанное Сократом и предпринимая более полное исследование соответствующих источников» (Milburn R.L.P. *Early Christian Interpretations of History*... P. 145).

¹⁰ Более подробно об этом см.: Кривушин И.В. История и народ... С. 21 - 25; Он же. Сократ Схоластик и его церковная история... С. 314 - 320.

¹¹ Сократ воспринимает эту идею через Евсевия Кесарийского, у которого она становится главным способом объяснения исторических событий в трех последних книгах его «Церковной истории». Об этом см.: Кривушин И.В. Рождение церковной историографии: Евсевий Кесарийский. Иваново, 1995. С. 24. Концепция Мелитона цитируется Евсевием: HE. IV.26.7.

¹² О значении этой идеи для церковных историков V в. см.: Allen P. *Evagrius Scholasticus the Church Historian*. Lauvain, 1981. P. 63 - 62; Chesnut G.F. *Histories*... P. 228; Cracco Rugini L. *The Ecclesiastical Histories*... P. 109 - 110; Kaegi W.E. *Byzantium and the Decline of Rome*... P. 191; Milburn R.L.P. *Early Christian Interpretations of History*... P. 146; Nigg W. *Die Kirchengeschichtsschreibung*... P. 34.

¹³ См., напр.: Cobet J. *Herodotus and Thucydides on War// Past Perspectives*. Cambridge, 1986. P. 1 - 18.

спорадическим, то у Созомена оно приобретает характер универсального принципа: Бог, наконец-то, становится действительным контролером истории.

Такая ориентация ведет к тому, что Созомен в гораздо большей степени, чем Сократ, выходит за рамки рассказа о внутрицерковных событиях, выдвигая на первый план тему опекаемой Богом христианской Римской империи¹⁴. Акцент ставится на религиозной политике императоров, в терминах которой анализируется большинство эпизодов¹⁵. Автор вносит существенные коррективы в сократовскую интерпретацию исторического материала, настойчиво стремясь сделать благочестивых правителей еще более достойными и удачливыми, а неблагочестивых - еще более порочными и несчастливыми.

Созомен убежден, что именно поведение императора через механизм божественного наказания - поощрения определяет характер современной ему эпохи и, в конечном итоге, общее состояние христианской церкви¹⁶. Вот почему историк концентрирует сообщения о чудесах, благоприятных знамениях, внешнеполитических победах, успехах православия и о фактах прекращения внутрицерковных конфликтов в главах, посвященных периодам благочестивых правлений Константина Великого, Феодосия великого и Феодосия Младшего, тогда как периоды неблагочестивых царствований Юлиана и Валента превращаются под его пером в бесконечную цепь ошибок, преступлений, военных поражений, гонений на православных, раздоров среди пастырей и паствы, социальных и природных бедствий. Благодаря четкой и последовательной дифференциации «светлых» и «темных» эпох, Созомену удается придать истории закономерность, а вместе с тем смысл и моральную ценность, которых ей так не хватало у Сократа.

И Сократ, и Созомен считают Константина Великого достойнейшим монархом, а его правление - временем величайшего возвышения христианства. Действительно, Сократ не высказывает ни одного критического замечания в адрес религиозной политики императора, а некоторые его акции, направленные против православной партии,

¹⁴ По мнению Ф.Винкельмана, Созомен, уделяя политической истории больше внимания, чем Сократ, хотел тем самым решить проблему взаимоотношений церкви и государства (Winkelman F. Die Kirchengeschichtswerke... S. 176).

¹⁵ А.Момильяно считает, что Созомен был более светским писателем, чем его «ментор» Сократ и что он видел в христианстве «государственное дело» (Momigliano A. Poundation... P.143).

¹⁶ На тесную связь церковной истории с имперской историей у Созомена указывали, в частности, В.Нигг (Nigg W. Die Kirchengeschichtsschreibung... S. 28ff) и Х.Циммерман (Zimmermann H. Ecclesia als Object... P. 28 - 291).

объясняет исключительно происками и обманом еретиков (I. 25 - 27, 35 - 38). Однако у Сократа Константину, несмотря на все его усилия и богоугодные дела, не удастся сохранить единство церкви и воспрепятствовать распространению арианства. Императора, при котором христианство принимают не только многие его подданные, но и некоторые чужеземные народы (эфиопы: I.1.9; иберийцы: I.20) и которого Бог вознаграждает за благочестие победами над внутренними (I.2, 4) и внешними врагами (I.3.9), оказывается бессильным перед завистью, обидами и честолюбием церковных иерархов (I.4 - 8, 3.4, 18, 23 - 38). Словом, в сократовском повествовании деятельность Константина не оказывает существенного влияния на ход церковных дел.

Для Созомена же именно религиозная политика первого христианского императора определяет содержание соответствующей эпохи. Рассказы о церковных раздорах (I.15, 17; II.18 - 19, 21 - 23, 25, 28, 31 - 33) тонут среди многочисленных и пространных описаний богоугодных деяний василевса (I.3 - 4, 6 - 9, 16 - 17, 19 - 22, 25; II. 1 - 5, 15, 21 - 23, 26, 32, 34), необыкновенных чудес (I. 3 - 4, 10 - 11, 14, 18; II. 1, 3, 6 - 7) и подвигов святых мужей (I.10 - 14, 18; II. 9 - 14, 17). Автор стремится показать, что христианская церковь при Константине Великом, несмотря на козни еретиков, в целом благоденствовала, ибо император ревностно заботился о защите истины и единомыслия. Недаром он заявляет, что «пока был жив Константин, никто открыто не осмеливался отвергать «Никеийский символ» (III.1). Извращение православных догматов началось только после его смерти.

Общая масса позитивной информации у Созомена, по сравнению с Сократом, значительно увеличивается. Возьмем, в частности, тему распространения при Константине христианства среди варварских народов. Созомен не ограничивается изложением сократовских историй крещения иберийцев и индийцев (Sozom. II. 7, 24). Он добавляет также рассказ о принятии христианства армянами и персами (II. 8), но, кроме этого, переводит проблему на глобальный исторический уровень, набрасывая несколькими штрихами картину победоносного шествия новой религии по всей ойкумене: «Когда церковь начала распространяться по Римской империи, христианская вера проникла и к самим варварам. Теперь уже приняли христианство и народы, жившие на Рейне, и кельты, и обитавшие близь океана далекие галаты, а готы и сопредельные с ними племена, жившие на берегах Истма, еще прежде исповедали веру в Христа, теперь же они сделались более кроткими и образованными» (II. 6). Тем самым событийная перспектива чрезвычайно расширяется. Отдельные случаи становятся проявлениями некой общей закономерности, выражают сущность целой эпохи.

Точно так же общеисторический статус приобретает и проблема

крещения подданных императора. Созомен приводит несколько фактов того, как жители разных городов отвергли языческое заблуждение, но на этом не останавливается, он добавляет, закончив рассказывать об этих отдельных случаях, что «описать все порознь невозможно, ибо тогда к христианской вере обратилось много и других городов: они добровольно, без всякого приказа со стороны императора, разрушили свои дома и статуи богов и построили себе молитвенные дома» (II. 5). В итоге возникает ощущение единого потока событий, неостановимого в силу своей универсальности.

Другая эпоха - эпоха Юлиана Отступника - рассматривается обоими историками как тяжелая для христиан, а сам он - как однозначно дурной правитель, однако количество зла, рожденного в этот период, исчисляется ими совершенно различно. Сократ далек от того, чтобы представить Юлиана как исчадие ада, жестокого и кровавого преследователя поборников истинной веры. Перед нами, скорее, неудачливый хулиган христианского учения, изощряющийся в бесплодных и бесосновательных насмешках. Его правление описывается Сократом не как время языческих гонений на церковь¹⁷. У Созомена же эпоха Юлиана предстает именно как эпоха жесточайшей языческой реакции. Автор стремится обосновать крайне негативную характеристику этого правителя и поэтому значительно отступает от интерпретации своего предшественника. Наряду с тем материалом, который Созомен заимствует у Сократа, он вводит в повествование ряд ярких свидетельств об издевательствах и убийствах христиан, совершенных язычниками по прямому указанию или при попустительстве императора: о преследованиях Феодора в Антиохии (V. 8) Евсевия, Неставы и Зенона в Газе (V.9), монахинь в Гелиополе (V.10), епископа Марка в Аретузе (V.10), Македония, Феодула и Грациона во Фригии (V. 11), Вусириса в Анкире Галатской (V. 11), Василия в Анкире (V. 11), Евпсихия в Кесарии Каппадокийской (V. 11), епископов Элевсия Кизикского и Тита Бострийского (V. 15). Автор делает нас свидетелями жутких сцен насилия над исповедниками. Приведем в качестве примера рассказ о гибели Евсевия, Неставы и Зенона от рук жителей Газы: язычники ворвались в тюрьму, где были заключены эти мужи и, выведя их оттуда, «расправились с ними жесточайшим образом: влачили их то лицом вверх, то лицом вниз, ударяли о землю, а когда хотели, то били - кто камнями, кто палками, кто чем попадется под руку, женщины бросали пряжу и кололи их веретенами, а кабатчики на площади то снимали с очагов котлы с кипящей водой и выливали ее на мучеников, то пронзали их вертелами. Растерзав их

¹⁷ Более подробно о сократовском изображении Юлиана и его царствования см.: Кривушин И.В. Загадка Сократа Схоластика...С. 47 - 56.

и разбив им головы до такой степени, что мозг капал на землю, они вывезли их тела за город в то место, куда обычно бросают трупы бессловесных животных, и, разведя огонь, сожгли их, а не уничтоженные огнем кости смешали с разбросанными там останками верблюдов и ослов, чтобы нельзя было отыскать их» (V. 9). Благодаря подобной «информации» образ юлиановского царствования окрашивается в чрезвычайно мрачные и зловещие тона.

Но особенно разительными оказываются различия между Сократом и Созоменом в их трактовке эпохи Феодосия Младшего, хотя оба они считают этого монарха самым «досаднейшим» среди тех правителей, которые фигурируют в их «историях». С точки зрения Сократа, именно при Феодосии и достигается долгожданная гармония светских и церковных дел. Однако эта идея не получает в его тексте адекватного воплощения. Правление Феодосия в изображении Сократа омрачено смутами в Александрии при епископе Кирилле, преследованиями инакомыслящих некоторыми православными иерархами, конфликтами вокруг выборов церковных предстоятелей, святотатственными деяниями, совершенными иудеями и беглыми рабами и, наконец, возникновением ужасной несторианской ереси.

Ни одного из этих свидетельств мы не найдем у Созомена. По его мнению, в правление столь благочестивого императора вообще невозможны ни церковные раздоры, ни военные поражения, ни уголовные преступления, ни природные катаклизмы. Он утверждает, что Бог, покровительствуя юному Феодосию и его старшей сестре регентше Пульхерии, тем самым «показал, что для спасения правителей достаточно одного благочестия: и войско, и царская сила, и любое другое устройство без него ничто» (IX. 1) и что «для защиты власти достаточно со старанием почитать вора» (IX. 16). Согласно автору, в эту эпоху прекратилась вражда в персами (IX.4), погиб интриган Стилихон (IX. 4), империя избавилась от угрозы со стороны гуннов (IX. 5), прекратились все войны и были найдены «святые мощи многих [мужей], прославившихся в древности благочестием» (IX. 16), среди них - останки ветхозаветного пророка Захарии (IX. 17). Но самым сложным для историка является то, что, благодаря религиозному усердию Пульхерии и, естественно, ее брата, в то время «никакие новые ереси не одержали верх» (IX.1.). Таким образом, Созомен делает то, что не удается сделать Сократу: он создает убедительную картину всеобщего мира и процветания церкви и государства при Феодосии Младшем¹⁸.

¹⁸ Нам могут возразить, что отсутствие в «Истории» Созомена негативной «церковной» информации, относящейся к эпохе Феодосия Младшего, объясняется предполагаемой утратой последней части девятой книги, которую автор обещал довести до конца 30-х гг. V в. Так считали еще Мельхиор Кан и Бароний, которые ссылаются, в частности, на

В истории, которую Созомен констатирует таким способом, в неразрывном единстве сосуществуют два противоположных начала: индивидуально-историческое и общеисторическое.

С одной стороны, безусловное доминирование схемы Мелитона в авторской системе исторической интерпретации приводит к тому, что все линии исторического рассказа сводятся к образам отдельных героев - высших носителей политической власти. Римские монархи, которые у Сократа определяли течение имперской истории в той же степени, в какой епископы - ход истории внутрехристианской¹⁹, становятся у Созомена главными фигурами и имперского, и церковного прошлого. Об их особой роли заявлено в самом начале труда Созомена, в авторском посвящении Феодосию Младшему. Ставя вопрос о предмете своего повествования, он говорит о намерении «изобразить добродетели многих богоподобных мужей, описать события вселенской церкви и показать, сколько встречала она врагов и как **она всегда находила покровительство у [Феодосия II] и [его] предков**». Все дальнейшее повествование подтверждает идею опеки императоров над христианской общиной. Они постоянно вмешиваются во внутрцерковные дела, к ним постоянно апеллируют соперничающие иерархи²⁰.

свидетельство Григория Великого о том, что в «истории» содержались главы, посвященные Феодору Мопсуэзийскому - знаменитому церковному деятелю, о котором находящийся в нашем распоряжении текст не говорит ни слова. Эту точку зрения сегодня разделяет, например, В.Балдвин (**Baldwin B. Sozomenos...** Р. 1932). Однако более убедительной кажется иная версия, восходящая к Анри де Валуа, согласно которой Созомен намеренно обрывает свое повествование на середине 20-х гг. V в. (**Valesius A. De Vita et scriptis Socratis...** S. 25 - 28. См. также: **Güldenpenning A. Quelltn zur Geschichte...** S. 14, 17). Заметим, что в «Historia Tripartita», созданной Кассиодором на основе трех греческих церковных историй V в., не обнаруживается никаких следов «утраченной» созоменовской информации. Заслуживает внимания позиция Н.Глубоковского, поставившего под сомнение ценность свидетельства Григория Великого. По мнению этого русского ученого, Григорий просто перепутал в данном случае Созомена с Феодоритом (**Глубоковский Н.Н. Блаженный Феодорит, епископ Кирский: Его жизнь и литературная деятельность. М., 1890. Т. 2. С. 248**).

¹⁹ Об этом см.: **Кривушин И.В.** Сократ Схоластик и его «Церковная история»... С. 320 - 322.

²⁰ Образ идеального монарха Созомен, как и Сократ, конструирует на примере Феодосия Младшего. Однако выстраиваемая им модель несколько отличается от модели, созданной его предшественником. Созомену недостаточно того богатства положительных характеристик, которыми Сократ наделяет своего героя. Он значительно расширяет их круг. Наряду с такими вычлененными Сократом качествами, как благочестие, человеколюбие, кротость по отношению к приближенным и ко всем подданным, мудрость, умение управлять страстями души и тела, терпеливость и воздержанность, Созомен

С другой стороны, последовательно проводя идею зависимости судьбы империи от характера взаимоотношений ее лидера с Богом, Созомен перемещает фокус внимания с отдельных фактов, какими бы важными они ни были, на «императорские эпохи», понимаемые как совокупность событий, чье протекание определяется поведением конкретного императора. Такое переключение исторической перспективы на уровень «эпох» создает почву для широких исторических обобщений.

Подобные историко-теоретические обобщения обычно представлены в форме итоговой оценки того или иного правления, которая является одновременно и его «событийным резюме». Завершая описание эпохи Константина Великого, Созомен пишет: «Константин был очень предан христианской вере, так что первым из императоров покровительствовал церкви и распространил ее так, как только мог, он был счастлив, как никто другой, в своих предприятиях, ибо ничего не начинал без Бога. Он остался победителем в происходивших при нем войнах против готов и сарматов, и государство, по своему желанию, преобразовал с такой легкостью, что учредил другой сенат и новую соименную себе столицу, языческое богослужение, которого столько времени держались и власти и подданные, он ниспроверг разом и в короткое время» (11.34). В финале рассказа о Юлиане Отступнике мы читаем: «...Во все время этого царствования Бог являлся постоянно разгневанным и Римскую империю во многих областях поражал различными бедствиями. От непрестанных и сильнейших землетрясений и разрушения жилищ небезопасно было проводить время и дома, и на открытом воздухе... Произошло бедствие и с египетскими александрийцами, когда отлившее море снова так прилило к земле, что, выступив из своих берегов, далеко затопило сушу... В Юлианово же царствование истребила все плоды и заразила воздух чрезмерная засуха. Благодаря ей из-за недостатка пищи голод заставлял людей поедать бессловесных животных, затем последовала эпидемия, которая, принося особую рода болезни, истребляла тела» (V.2).

Свою оценку правления Гонория автор резюмирует следующим образом: «Тогда в западной империи появлялось много тиранов; но они либо

называет также мужество, справедливость, щедрость, кроме того, он видит в идеальном монархе судью и покровителя литературы, воина с тренированным телом, учителя добра, ученого «широкого профиля» - не только теолога, но и знатока медицины и других наук. Легко заметить, что эти дополнительные качества не являются по определению христианскими, они несут явную печать светскости и заимствуются автором из греко-римской политической теории. В образе идеального монарха оказываются сплавленными элементы двух соперничавших традиций - иудее-христианской и античной. Неудивительно, что автор сравнивает своего персонажа и с Соломоном, и с Александром Македонским.

погибали друг от друга, либо сверх всякого чаяния были схватываемы, и тем показали необычайное благоволение Бога к Гонорию» (IX.1.1). Но более всего писатель проявляет свою склонность к историческим обобщениям, когда повествует о времени совершенства - царствовании Феодосия Доброго. По всей девятой книге рассыпаны высказывания типа: «За это [благочестие] Бог явно показывал им [Феодосию и Пульхерии] свою милость и хранил их дом. А между тем с возрастанiem императора возрастала и империя; все козни и войны против него прекращались сами собой» (IX.3).

Итак, исходной исторической величиной для Созомена оказывается не событие, а императорская эпоха. Именно этой чертой исторического видения писателя можно объяснить отсутствие у него систематического интереса к хронологии. Мы не найдем у Созомена той постоянной потребности датировать, которая отличала его предшественника Сократа²¹. Для него имеет важность не то, в какой конкретный момент времени произошло событие, а лишь то, с каким правлением это событие связано. Вот почему автор сосредоточивает внимание прежде всего на временных указаниях, определяющих длительность и границы императорских эпох. Фиксируется хронологическая протяженность практически всех правлений: Константина Великого (II.34), Констанция (V.1), Иовиана (VI.6), Валентиниана I (VI. 36), Валента (VI. 40), Грациана (VI. 13) и Феодосия Старшего (VIII.1). Порой историк обращается к объективной хронологии (указания на консульства), но в большинстве случаев тогда, когда хочет обозначить ключевые для императорских биографий вехи - рождение, восшествие на престол или смерть августов и цезарей - Криспа (I.5), Константа (IV.1), Галла (IV.7), Феодосия I (VII.29), Аркадия (VII.2; IX.1) и Феодосия Младшего (VIII.4). Что касается временного статуса отдельных событий, то обычно автор лишь устанавливает их общую соотнесенность с началом или концом того или иного царствования: «Все это с Афанасием и александрийской церковью случилось по смерти Константа, а не одновременно с ней» (IV.11). И даже когда Созомен называет год правления (очень редко), он преследует ту же самую цель - соотнести, но не датировать (I.25; III.5, 12, 19; VII.5).

2. Какое же место в сочинении Созомена занимает тема церковных смут, которые Сократ идентифицировал с церковной историей как таковой? Нельзя сказать, что Созомен менее, чем Сократ, интересуется

²¹ В своей «Истории» Сократ датирует 88 событий, причем использует самые разные системы отсчета времени, преимущественно светские. Особенно бросается в глаза его пристрастие к датировке по консульствам (81 из 88). Он стремится также к максимальной хронологической конкретизации, нередко называя, кроме года, еще и месяц или даже день, в который произошло то или иное событие. В «Истории» же Созомена нет ни одного случая датировки по дням и месяцам.

теологическими спорами и внутренней борьбой в церкви. Однако обращение автора к таким событиям полностью зависит от его главной задачи - применить концепцию Мелитона Сардийского к истории Римской христианской империи IV - начала V в. Раздоры пастырей и восстания паствы становятся у Созомена существенными проявлениями хаоса, поражающего государство при безбожных императорах, и поэтому, описывая их правления, он вводит в свой рассказ значительно больше «мятежной» информации, чем его предшественник, достаточно сравнить созоменовскую трактовку эпохи Валента (VI книга) с сократовской (IV книга). В принципе Созомена устраивает сконструированный его предшественником образ непрерывных церковных раздоров, которыми ознаменовалось это царствование, и поэтому он заимствует у него практически весь «негативный» материал, но даже и в этом случае Созомен делает ряд знаменательных добавлений, способствующих трагедизации темы нечестивого правления: он вставляет в свой текст историю малопонятной распри между Евсевием Кесарийским и Василием Великим, которая помогла Валенту насаждать арианство в восточных провинциях (VI.15); вводит рассказ об изгнании императором епископа Ветраниона Скифского (VI.21); повествует о возникшем споре по поводу единосущия Св. Духа Отцу и Сыну (VI.22); сообщает о существовании сторонников Ария на западе и о действиях самого видного из них - Авксентия Медиоланского (VI.23); привязывает к данной эпохе «обнаружение» ереси Аполлинариев (VI.25) и, наконец, гораздо более подробно, чем Сократ, излагает учение Евномия (VI.26). Наоборот, повествуя о времени царствования благочестивых правителей, прежде всего Феодосия II, историк пытается минимизировать значение многих церковных конфликтов и даже умалчивает о некоторых из них (см. выше). Такая избирательность способствует тому, что разрушается созданная Сократом картина истории религиозных смут как бесконечного и универсального событийного потока, для Созомена они остаются лишь преходящим (историческим) явлением, имеющим начало и конец. Смуты возникают тогда, когда император отворачивается от Бога и его церкви, и прекращаются, когда он возвращается на путь истины.

Может, однако, показаться, что в двух случаях Созомен отступает от идеи, согласно которой состояние дел в церкви зависит от благочестия царя, придавая теме церковных смут относительную автономность. Речь идет о трактовке им правления Констанция и Аркадия. В первом случае Созомен, с одной стороны, проводит мысль, что время Констанция благоприятствовало христианству: вера распространялась, а церкви процветали благодаря аскетической жизни многочисленных подвижников и религиозному рвению императора и его братьев, чьи теологические разногласия были, по словам автора, незначительными (III.14-19). С другой

стороны, он делает эпоху Констанция периодом резкого усиления ересей и гонений на православных, которые осуществлялись при поддержке самого василевса (особенно в IV книге). Во втором случае мы сталкиваемся с такой же двойственной характеристикой. Созомен пишет, что при Аркадии многие язычники и еретики присоединялись к ортодоксальной церкви, а ариане и евномииане из-за внутренних разногласий каждодневно уменьшались в числе (VIII.1). Тогда же христианство было очищено и возвышено Иоанном Златоустом, епископом Константинополя (VIII.2-9). Вместе с тем историк изображает это правление как время великой смуты, вызванной низложением Златоуста - нечестивейшим деянием, совершенным при содействии императорской четы, и как время следовавших за ней природных и общественных бедствий (VIII.10 - 27). Однако эти несоответствия не означают отказа автора от исторической концепции Мелитона. Оставаясь в ее рамках, Созомен интерпретирует эпохи Констанция и Аркадия одновременно и как удобные, и как противные Богу, ибо он видит в этих императорах одновременно и достойных, и недостойных правителей. Когда они совершают благие поступки, Всевышний поддерживает их во всех делах, когда же они становятся на путь зла, он лишает их своего покровительства. Так, Аркадий, укрепляющий единство церкви, вознаграждается процветанием его империи, и тот же Аркадий, это единство разрушавший (дело Иоанна Златоуста), наказывается внешнеполитическими неудачами (VII.25), скорой смертью супруги (VIII.27) и другими несчастьями.

Изменение функции смут в церковной истории и растворение последней в истории христианской империи ведут к резкому снижению церковно-исторической значимости епископов. Их ссоры и мелкие обиды, их порочная природа, столь важные у Сократа, оказываются на периферии созоменовской системы объяснения событий. Распространение концепции Мелитона на интерпретацию церковной истории требует выдвижения на первый план в качестве объектов деятельности римских императоров не индивидов, но величин более высокого уровня - общностей, структурообразующих церковь. Речь идет в первую очередь о епископате и пастве.

В сочинении Созомена епископат и составляющие его церковные партии, как правило, оттесняют отдельных предстоятелей на задворки внутрехристианской истории. В такой перспективе становится понятным, почему автор акцентирует значение соборов как выразителей воли всей церкви или соперничающих в ней групп. Он весьма подробно описывает ход церковных синодов и постоянно обращает внимание на проблему их влияния на христианскую историю. Преимущественная важность соборов выделяется автором даже хронологически - они оказываются единственной

категорией церковных событий, которые датируются через консульскую или императорскую системы отсчета времени (I.25; III.5,12,19; IV.6,22; VII.12)²². Этим Созомен отличается от Сократа, у которого из 44 датированных церковных событий лишь 12 (27%) связаны с соборами епископов, а подавляющее большинство - 29 (64%) - с фактами биографий отдельных предстоятелей.

Христианский народ (паства) у Созомена также играет несравнимо более значительную роль, чем у Сократа²³. Это особенно ярко видно в описании им «нечестивых» правлений, в первую очередь еретических (Валента) и полуеретических (Констанция, отчасти Аркадия)²⁴. С одной стороны, Созомен вполне устраивает ведущая у Сократа идея народа как жертвы нарушителей церковного порядка, и поэтому он заимствует у своего предшественника почти все примеры такого рода: схема Мелитона требует доказательств того, что при правлении безбожных императоров тело церкви разрывается на части, каждая из которых страдает от происков еретиков. С другой, Созомен смещает ряд акцентов. Его приоритеты обнаруживаются при анализе дополнительной (относительно текста Сократа) информации. Вся она вращается вокруг темы мятежной паствы. Новые примеры посвящены не христианскому народу, страдающему от распрей негодных пастырей, но христианскому народу, активно выступающему против сторонников лжеучений и защищающему своих ортодоксальных предстоятелей.

Описывая царствование Констанция, Созомен расширяет тему поддержки гонимого епископа Афанасия со стороны александрийской паствы. Если его предшественник Сократ, рассказывая о самом тяжелом для Афанасия периоде его жизни (от смерти Константина Младшего до смерти Констанция), не приводит ни одного факта народного протеста, как бы говоря, что при столь жестоком еретическом терроре все несогласные были принуждены к молчанию, то Созомен снимает это впечатление, вводя два дополнительных эпизода. В одном из них сообщается, что Констанций, вняв клевете ариан, отправил к Афанасию посла с требованием явиться ко двору и что александрийская паства (ὁ λαὸς τῆς ἐκκλησίας), угрожая восстанием, заставила посла уехать из города, не добившись успеха (IV.9). В другом рассказывается о народе (ὁ ἄνθρωπος) Александрии, который чуть

²² И только в двух случаях Созомен фиксирует длительность епископского правления (Евдоксий Константинопольский: VI.13; Афанасий Александрийский: VI.19).

²³ Более подробно об изображении народа у Созомена см.: **Кривушин И.В.** История и народ... С. 56 - 74. Об интерпретации народа у Сократа см.: Там же. С. 25 - 48.

²⁴ Об интерпретации Созоменом роли христианского народа в эпоху языческой реакции при Юлиане см.: **Кривушин И.В.** История и народ... С. 67.

было не убил и вынудил к бегству арианского епископа Георгия за то, что тот жестоко преследовал сторонников Афанасия (IV.10)

За счет новых примеров, введенных Созоменом в шестую книгу, христианский народ в правление Валента также предстает у него более активным, чем у Сократа. Созомен свидетельствует, что александрийская паства решительно воспротивилась попыткам арианина Евзоя овладеть городскими церквами после смерти Афанасия и ареста его преемника ортодокса Петра (VI.19). В другом рассказе паства демонстрирует особое мужество, ибо противостоит самому императору: она вынуждает Валента вернуть из ссылки православного епископа Ветраниона (VI..21).

Но особое звучание тема активности христианского народа приобретает тогда, когда Созомен вводит дополнительную информацию о народной поддержке Иоанна Златоуста. Эти данные связаны прежде всего с периодом после вторичного низложения епископа. У Созомена народ, узнав о смещении Иоанна, отказывается посещать церковь и, собравшись праздновать пасху в банях Константина, подвергается насилию со стороны императорских солдат, а затем предотвращает две попытки покушения на любимого епископа (VIII.21). Народ организует охрану Иоанна и постоянно дежурит в Св. Софии, а когда до него доходит весть об отъезде епископа, бросается к морю в надежде догнать и вернуть его (VIII.22). Народ отвергает нового епископа Арзакия, тем самым навлекая на себя жестокие преследования (VIII.23).

Во всех этих случаях Созомен симпатизирует христианскому народу именно за открытую и действенную защиту православия. По мысли автора, когда император выступает против Бога и его верных последователей, паства оказывается силой, сдерживающей натиск зла. Такая концепция требует изображения христианского народа в его активных и достойных проявлениях. Вот почему историк иногда умалчивает о тех поступках толпы, которые являются спорными, с точки зрения христианской морали и справедливости²⁵.

3. В сочинении Сократа смуты, препятствуя «улучшению» внутренней истории церкви, способствуют, в силу своей исторической автономности, общему «улучшению» христианской истории. У Созомена же не только тема христианской империи, но и тесно связанная с ней тема внутрицерковных конфликтов обслуживают идею прогресса. История внутрицерковной борьбы переживает ту же эволюцию, что и история римских властителей, несмотря на первоначальную деградацию после Константина Великого - от

²⁵ Так, он ничего не говорит об ответственности александрийской паствы за насилие и убийства, имевшие место при возвращении Афанасия по решению папы Юлия, на которой настаивает Сократ (II.15).

двуликого Констанция к безусловно отрицательным Юлиану и Валенту. Общее движение имперской истории носит характер восхождения к добру, о чем свидетельствует постепенное нарастание благочестия в правления Феодосия Великого, Аркадия и Феодосия Младшего. Также и церковь после смерти Валента шаг за шагом преодолевает внутренние разногласия и обретает мир и спокойствие.

В чем же Созомен видит залог прогресса христианства? Характер религиозной политики императора, исходный для конкретной исторической эпохи, оказывается в контексте всей истории проявлением некой общей тенденции. Однозначная эволюция римских правителей от Валента до Феодосия Младшего в сторону все большей православности показывает, что их религиозный выбор зависит не от случайных обстоятельств или личных желаний, но предопределен свыше. Однако божественный план реализуется не только через прямое сверхъестественное воздействие на императоров, но и благодаря деятельности истинной церкви, которую Созомен отличает от церкви как таковой (совокупности всех верующих в Христа).

С точки зрения автора, общее состояние христианской общины (и православных, и еретиков) в каждую конкретную эпоху непосредственно определяется характером соответствующего правления. В то же время этот механизм перестает действовать, когда речь идет о православной общине, при всех религиозно-политических перипетиях она всегда остается носителем истины, меняется лишь форма ее реакции на внешние обстоятельства. При благочестивых императорах церковь православных, сливаясь со всей христианской общиной, живет в покое и процветании, при безбожных же правителях она «откалывается» от имперской церкви, совращаемой еретиками, и единственная стойко противостоит всеобщему злу²⁶. Изображая православную общину как постоянного защитника мира и веры, Созомен делает ее неким вечным гарантом прогресса всего человечества. Она является земным «контролером» истории, последовательно поддерживая достойных и выступая против недостойных властителей. Именно церковь православных обеспечивает стабильность исторического движения и придает ему неизбежно оптимистический смысл. И здесь Созомен вновь противопоставляет себя пессимистически настроенному Сократу, у которого православная община, целиком погруженная в борьбу с ересями и в собственные расколы, не несет никакой

²⁶ Х.Цимерман даже считает, что для Созомена понятие «церковь» тождественно понятию «православная церковь». Именно поэтому, по мнению исследователя, он столь часто использует, в отличие от Евсевия и Сократа, термин «καθολικὴ ἐκκλησία». См.: Zimermann H. Ecclesia als Object... S. 35 - 36.

ответственности за хрупкий прогресс христиано-имперской истории²⁷.

И наконец, Созомен демонстрирует расхождение с Сократом по поводу трактовки финала истории, т. е. той идеальной ситуации, к которой история в своем поступательном движении постоянно стремится. Такое расхождение закономерно, ибо доминирование концепции Мелитона у Созомена ведет к тому, что в его сочинении тема тесных государственно-церковных отношений оттесняет на второй план важнейшую для Сократа проблему порядка в церкви (и в мире). Соответственное для Созомена идеальное состояние есть благоденствие государства и церкви, обусловленное благочестием императора, тогда как для Сократа оно есть порядок внутри церкви, гарантированный единомыслием в вере и нравственным поведением паствы и пастырей, порядок, который налагается на весь мир. Если для Созомена идеальное состояние обретает реальность в эпохе Феодосия Младшего, то для Сократа «гармония церковных и светских дел» остается скорее желаемой, чем достижимой²⁸.

Таким образом, Эрмий Созомен оказался первым церковным историком, которому удалось последовательно применить в историческом повествовании теорию Мелитона Сардийского. Стремясь превзойти Сократа Схоластика и стать достойным продолжателем Евсевия Кесарийского, он смог создать целостный образ единой христианской истории в ее постепенном приближении к определенному финальному рубежу. Созомен показывает, что церковь все более усиливается, что число ее последователей все более возрастает, что церковные смуты вспыхивают все реже и реже, что императоры проявляют все больше благочестия и прилагают все больше усилий для распространения веры и сохранения церковного мира и, наконец, что Бог все больше и больше покровительствует христианской Римской империи. Смыслом истории становится непрерывное прогрессивное, контролируемое Всевышним и православной церковью восхождение человечества к эпохе всеобщей гармонии, которая для автора есть эпоха, ему современная. Именно в этом состоит значение историографического достижения Созомена.

В заключение скажем, что, сделав исходным принципом своего исторического исследования реинтерпретацию событий, уже описанных и оцененных Сократом Схоластиком, Эрмий Созомен перенес в церковную историографию евангелический «синоптический» принцип сходного описания. На основе сократовской «истории» он создал новое оригинальное сочинение, в котором отразился его собственный взгляд на великую эпоху от Константина до Феодосия II.

²⁷ Позиция Созомена в данном случае близка к позиции третьего ортодоксального церковного историка V в. Феодорита Кирского. См.: **Кривушин И.В.** История и народ... С. 76 - 78, 81 - 83. Остается вопросом, как соотносится церковно-историческая концепция земного прогресса христианства с традиционными эсхатологическими представлениями.

²⁸ **Кривушин И.В.** История и народ... С. 24 - 25.